

Он просто не мыслится вне Троице-Сергиева или Соловецкого монастыря. Здесь он либо исполняет, либо нарушает «иноческое обещание», отсюда лежит его путь либо в преисподнюю ко «огненным мукам», либо в небесные сферы, в сонм безгрешных душ. Правда, в «Повести» совершается чудесное перемещение героя к «святыням» в Соловки и в Кострому. Более того, старец-наставник героя оказывается «отшедшим» к Москве «потреб ради монастырских». Сопровождающий героя в поклонении «святыням» Тимофей юродивый также из Москвы, «живый на Кулишках» у церкви всех святых. Но эти важные подробности сообщены о второстепенных персонажах, в то время как главный герой целиком ограничен монастырскими стенами. О нем известно только, что он «юн сый леты, добр возрастом». «Повесть» позволяет также представить окружение героя: «образы и книги», старец-наставник, «прочие от искусных старец», отроки; его занятия: «правило совершах, рекше каноны и часы пех». Герой вспоминает, увидя перед собой архангела Михаила, что им переписан «его канон». Повидимому, это грамотный и начитанный юноша, который, тяготясь однообразием монастырской службы, предается пьянству, не взирая на заповеди и религиозные праздники, а также пользуясь отсутствием наставника. Автору «Повести», вероятно, был известен Киево-Печерский патерик, в частности рассказ об Исакии Печерском, которого искушала толпа бесов, кричавших при этом «наш еси», — как и троицкому иноку.⁷

Тема борьбы с бесами, типичная для средневековья, встречается в древнерусских литературных памятниках XVII в., даже в таких светских, как «Повесть о Савве Грудных» (где у дьявола прислуживают юноши «темнообразнии») или «Повесть об Улиянии Осорыной».⁸

Не менее типична для литературы XVII в. тема осуждения пьянства, широко представленная в это время как в жанре повести, так и в сатирических произведениях.⁹

Автобиографический рассказ юноши — троицкого инока, таким образом, посвящен не всей его жизни, а одному лишь «ужасному и плачевному случаю». Вместе с тем изложение этого «случая» строится по нормам «учительного», «душеполезного» чтения, образцами которого могли послужить эпизоды из житий, из назидательных сочинений средневековья. Не случайно, например, бесы названы в «Повести душеполезной» «множеством темнообразных ефиоп», подобно тому как Андрей Юродивый борется в житии с черным «ефиопом».¹⁰ Раздвоение тела и души героя «Повести», показывающее интерес к внутренней его жизни, оказывается также литературным приемом, известным, например, по Житию Василия Нового и встречающимся в одной из редакций «Прения живота и смерти»: «И видех тело мое лежаще бездушно и недвижимо»,¹¹ подобно строкам «Повести душеполезной» «А тело свое зрю на земли лежащо предо мною».¹²

⁷ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 129. Указание на этот источник сделано В. П. Адриановой-Перетц.

⁸ М. О. Скрипиль. 1) Повесть о Савве Грудные (тексты). — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 242; 2) Повесть об Улиянии Осорыной. — ТОДРА, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 281: «и абие бысть храмина полна бесов со всяким оружием».

⁹ В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть, вып. 1. М.—Л., 1940, стр. 246—247, 251—255; А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955, стр. 56—58, 136—144; И. У. Будовниц. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962, стр. 300.

¹⁰ ВМЧ, память 2 октября. Указание на этот источник сделано Н. С. Демковой.

¹¹ Повести о споре жизни и смерти. Исследование и подготовка текста Р. П. Дмитриевой. М.—Л., 1964, стр. 28, 146, 151, 154, 157, 161.

¹² См. текст, л. 320 об.